

ПЕДАГОГ-УЧЕНЫЙ С. З. КАЦЕНБОГЕН И СВЕРДЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1935–1946 гг.

М. В. ПОПОВ¹⁾, М. В. СУВОРОВ¹⁾

¹⁾Уральский государственный педагогический университет, пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Россия

История высшей школы в России и ближнем зарубежье неразрывно связана с деятельностью представителей вузовской администрации, их преподавательской и научной активностью. Именно они были проводниками государственной политики в сфере высшего образования. В 1920–40-х гг. в высших учебных заведениях СССР учебная и научная работа в большой степени зависела от изменения общественно-политической обстановки в стране. Это нашло свое отражение в судьбе тех, кто стоял во главе вузовского управления. Исследование политической и профессиональной активности руководящих кадров советских вузов позволит дать правильную оценку их деятельности как администраторов, педагогов и ученых. В этом смысле изучение судьбы Соломона Захаровича Каценбогена – социолога, философа, педагога и вузовского руководителя – приобретает особый интерес и актуальность. Поводами для публикации могут служить также 100-летний юбилей со дня открытия Белорусского государственного университета и 90-летие создания Свердловского государственного педагогического института (ныне – Уральский государственный педагогический университет). Статья посвящена деятельности С. З. Каценбогена в период изменений в общественно-политической жизни, происходивших в СССР во второй половине 1930-х – 1940-е гг. Впервые целенаправленно исследуется его профессиональная активность как преподавателя и администратора в уральских вузах, прежде всего в Свердловском пединституте. Делаются попытки анализа политических настроений и поведения Соломона Захаровича в условиях сталинского режима, явившихся следствием необоснованных обвинений в его адрес: мнительность и недоверие к коллегам, снижение научной активности из-за боязни критики по политическим мотивам. В то же время авторы приходят к выводу о положительном вкладе профессора в совершенствование вузовской работы на Урале (новаторство в организации планирования научной деятельности высших учебных заведений, создание системы контроля со стороны заведующих кафедрами и администрации за проводимыми преподавателями занятиями). В условиях массовых репрессий Соломон Захарович не стал клеветником и карьеристом, он искренне верил, что благодаря своему добросовестному труду и нравственному поведению в конечном итоге добьется снятия с него партийных взысканий. Именно так оценивали профессора его коллеги – работники уральских вузов, но реабилитации от партийных чиновников С. З. Каценбоген так и не дождался. Судьба профессора С. З. Каценбогена во многом типична и ярко характеризует историческую обстановку в стране в период сталинского правления. В связи с этим цель настоящей статьи – выявить последствия воздействия политических факторов и особенностей общественной жизни в 1935–1946 гг. на деятельность вузовского руководителя, ученого и педагога. С другой стороны, мы пытались вести исследование в рамках историко-антропологического подхода, где человек выступает как действующее лицо истории, социальный фактор, носитель определенной политической культуры, менталитета. Для достижения цели и решения поставленных задач важное значение имеет расширение источниковой базы исследования в результате открытия ряда архивных материалов, ранее недоступных для историков.

Ключевые слова: высшее образование; Урал; вторая половина 1930-х – первая половина 1940-х гг.; политические взгляды; научно-преподавательская деятельность; вузовский руководитель; ученый; педагог; идеологический контроль; партийно-советское руководство; сталинские репрессии.

Образец цитирования:

Попов МВ, Суворов МВ. Педагог-ученый С. З. Каценбоген и Свердловский государственный педагогический институт в 1935–1946 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;2:80–90.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-80-90>

For citation:

Popov MV, Suvorov MV. Pedagogue and scholar S. Z. Ka-tsenbogen and Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1935–1946. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;2:80–90. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-80-90>

Авторы:

Михаил Валерьевич Попов – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России Института общественных наук.

Максим Викторович Суворов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института общественных наук.

Authors:

Mikhail V. Popov, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, Institute of Social Sciences.

m-v-popov@yandex.ru

Maksim V. Suvorov, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, Institute of Social Sciences.

mvs-19771@ya.ru

ПЕДАГОГ-ВУЧОНЫ С. З. КАЦЭНБОГЕН І СВЯРДЛОЎСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ПЕДАГАГІЧНЫ ІНСТЫТУТ У 1935–1946 гг.

М. В. ПАПОЎ^{1*}, М. В. СУВОРАЎ^{1*}

^{1*} *Уральскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт,
пр. Касманаўтаў, 26, 620017, г. Екацярынбург, Расія*

Гісторыя вышэйшай школы ў Расіі і блізкім замежжы непарыўна звязана з дзейнасцю прадстаўнікоў адміністрацыі ВНУ, іх выкладчыскай і навуковай актыўнасцю. Менавіта яны былі праваднікамі дзяржаўнай палітыкі ў сферы вышэйшай адукацыі. У 1920–40-х гг. у ВНУ СССР навучальная і навуковая работа ў большай ступені залежала ад змянення грамадска-палітычнай сітуацыі ў краіне. Гэта знайшло сваё адлюстраванне ў лёсах тых, хто стаў на чале ВНУ. Даследаванне палітычнай і прафесійнай актыўнасці кіруючых кадраў савецкіх ВНУ дазволіць даць правільную ацэнку іх дзейнасці як адміністратараў, педагогаў і вучоных. У гэтым сэнсе вывучэнне лёсу Саламона Захаравіча Кацэнбогена – сацыёлага, філосафа, педагога і кіраўніка ВНУ – набывае асаблівую цікавасць і актуальнасць. Нагодой для публікацыі могуць служыць таксама 100-гадовы юбілей з дня адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і 90-годдзе стварэння Свядлоўскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута (цяпер – Уральскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт). Артыкул прысвечаны дзейнасці С. З. Кацэнбогена ў перыяд змяненняў у грамадска-палітычным жыцці, якія адбываліся ў СССР у другой палове 1930-х – 1940-я гг. Упершыню мэтанакіравана даследуецца яго прафесійная актыўнасць як выкладчыка і адміністратара ва ўральскіх ВНУ, перш за ўсё ў Свядлоўскім педінстытуце. Зроблены спробы аналізу палітычных настрояў і паводзін Саламона Захаравіча ва ўмовах сталінскага рэжыму, якія былі вынікам неабгрунтаваных абвінавачанняў у яго адрас: падазронасць і недавер да калег, зніжэнне навуковай актыўнасці праз баязь крытыкі па палітычных матывах. У той жа час аўтары прыходзяць да высновы пра станючы ўклад прафесара ва ўдасканаленне работы ВНУ на Урале: наватарства ў арганізацыі планавання навучальнай дзейнасці ВНУ, стварэнне сістэмы кантролю з боку загадчыкаў кафедраў і адміністрацыі за праведзенымі выкладчыкамі заняткамі. Ва ўмовах масавых рэпрэсій Саламон Захаравіч не стаў паклёпнікам і кар’ерыстам, ён шчыра верыў, што дзякуючы сваёй добрасумленнай працы і маральным паводзінам у канчатковым выніку ён даможацца зняцця з яго партыйных спагнанняў. Менавіта так ацэньвалі прафесара яго калегі – работнікі ўральскіх ВНУ, але рэабілітацыі ад партыйных чыноўнікаў С. З. Кацэнбоген так і не дачакаўся. Лёс прафесара С. З. Кацэнбогена шмат у чым тыповы і ярка характарызуе гістарычную сітуацыю ў краіне ў перыяд сталінскага праўлення. У сувязі з гэтым мэта артыкула – выявіць наступствы ўздзеяння палітычных фактараў і асаблівасцей грамадскага жыцця ў 1935–1946 гг. на дзейнасць кіраўніка ВНУ, вучонага і педагога. З іншага боку, мы намагаліся весці даследаванне ў рамках гісторыка-антрапалагічнага падыходу, дзе чалавек выступае як дзейная асоба гісторыі, сацыяльны фактар, носьбіт пэўнай палітычнай культуры, менталітэту. Для дасягнення мэты і вырашэння пастаўленых задач важнае значэнне мае пашырэнне крыніцавай базы даследавання ў выніку адкрыцця шэрагу архіўных матэрыялаў, раней недаступных для гісторыкаў.

Ключавыя словы: вышэйшая адукацыя; Урал; другая палова 1930-х – першая палова 1940-х гг.; палітычныя погляды; навукова-выкладчыцкая дзейнасць; кіраўнік ВНУ; вучоны; педагог; ідэалагічны кантроль; партыйна-савецкае кіраўніцтва; сталінскія рэпрэсіі.

PEDAGOGUE AND SCHOLAR S. Z. KATSENBOKEN AND SVERDLOVSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1935–1946

M. V. POPOV^a, M. V. SUVOROV^a

^a*Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Avenue, Ekaterinburg 620017, Russia*

Corresponding author: M. V. Suvorov (mvs-19771@ya.ru)

The history of higher education in Russia and the near abroad is inseparably connected with the activity of higher education institutions administrators and their teaching and scholarly activity. They were the people who implemented the government policy in the sphere of higher education. In the 1920–40s, the academic and scholarly activity in the Soviet higher education institutions depended, to a large extent, on the change of the socio-political situation in the country. This was reflected in the fates of those who headed higher school administrations. The authors' study of political and professional activity of higher school administrators can provide an objective assessment of their activity as managers, pedagogues and scholars. In this regard, the study the life of Solomon Zakharovich Katsenbogen – a sociologist, philosopher, pedagogue and higher school administrator becomes especially interesting and urgent. The 100th anniversary of the foundation of the Belarusian State University and the 90th anniversary of the foundation of Sverdlovsk State Pedagogical Institute (now Ural State Pedagogical University) can also serve as very good reasons for the publication of this material. The article deals with

the work of S. Z. Katsenbogen under the conditions of the change in the socio-political life taking place in the USSR in the second half of the 1930s – 1940s. It is the first attempt to study his professional activity as a lecturer and administrator at the higher education institutions of the Urals, and first of all at Sverdlovsk State Pedagogical Institute. The article analyzes the political leanings and behavior of S. Z. Katsenbogen under the conditions of the Stalinist regime, which was responsible for false allegations against him: suspiciousness and distrust in relation to colleagues and slowdown in scholarly activity because of fear of criticism for political reasons. At the same time, the authors make a conclusion about a positive contribution of the professor to the improvement of the functioning of higher schools in the Urals: a new approach to the organization of planning of scientific activity of higher education institutions, the creation of the system of control of the conduct of lectures and tutorials by teachers on the part of the heads of departments and higher school administration. Under the conditions of mass repression, S. Z. Katsenbogen did not become a slanderer and careerist; he sincerely believed that due to his hard work and moral behavior, he would eventually have his party disciplinary penalties withdrawn. His colleagues – pedagogues of the higher education institutions of the Urals – also believed in this, but he never achieved rehabilitation from the party officials. The fate of professor Katsenbogen was to a great extent highly typical of the historical situation in the country during Joseph Stalin's rule. In this perspective, the aim of the article is to reveal the consequences of the impact of political factors and peculiarities of the social life of the period of 1935–1946 on the activity of the higher school administrator, scholar and pedagogue. On the other hand, the authors tried to carry out their investigation within the framework of the historical-anthropological approach, in which a person functions as an active historical subject, as a historical factor, and as a bearer of a political culture and mentality. To achieve the aim and the tasks of the study, it is important to expand the investigation source base now as a result of publicizing a number of archival materials previously inaccessible for historians.

Keywords: higher education; Ural; the second half of the 1930s – the first half of the 1940s; political views; scientific and teaching activities; university manager; scientist; teacher; ideological control; party-Soviet leadership; Stalinist repression.

Биография С. З. Каценбогена нашла отражение в трудах современных историков России и ближнего зарубежья. С 1921 по 1925 г. его судьба была тесно связана с Белорусским государственным университетом. Соломон Захарович стоял у истоков основания БГУ, являлся заместителем ректора и одним из первых профессоров университета. Поэтому историками БГУ довольно подробно изучена биография С. З. Каценбогена в данный период [1]. В статье А. Н. Максимчика детально освещены ранние этапы жизни будущего профессора – дореволюционный и годы революции и Гражданской войны, а также проанализирована его деятельность в это время. Работа С. З. Каценбогена в различных должностях в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ) во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. рассмотрена в статьях Л. С. Аникина и Д. В. Покатова [2–4].

После переезда в 1932 г. из Саратова в Ленинград (ныне – Санкт-Петербург) вплоть до 1935 г. Соломон Захарович занимал пост директора Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена (ЛГПИ). Ленинградский период его научной и административной деятельности довольно подробно изучен петербургским исследователем И. А. Лапиной [5]. В ее статье дана высокая оценка трудов профессора по вопросам философии, социологии, педагогики, истории культуры и сделан справедливый вывод о том, что в 1920-х гг. С. З. Каценбоген способствовал институализации социологии и педологии и развитию социологических и педологических исследований там, где работал. В составленном А. Н. Максимчиком хронологическом указателе трудов С. З. Каценбогена приводятся библиографические данные 66 публикаций ученого с 1911 по 1939 г. [1, с. 81–83]. В целом в выше-

упомянутых статьях С. З. Каценбоген получил высокую оценку как профессионал в сфере вузовского управления, талантливый ученый и педагог.

Последние 10 лет жизни Соломона Захаровича связаны с Уралом и главным образом Свердловским государственным педагогическим институтом (СГПИ). Однако взгляды, политическая и профессиональная активность ученого в 1935–1946 гг. не нашли достаточного отражения в имеющихся трудах. Только его научная и преподавательская деятельность, но уже в Уральском государственном университете имени А. М. Горького (УрГУ) затрагивается в ряде публикаций [6; 7]. Что касается работы С. З. Каценбогена в СГПИ, то она лишь фрагментарно рассматривалась в статьях по истории педагогического образования в Свердловске (ныне – Екатеринбург) [8; 9]. Поэтому в качестве основных поставленных в настоящем исследовании задач можно выделить следующие: показать роль С. З. Каценбогена как администратора в совершенствовании учебного процесса и улучшении научной работы в СГПИ во второй половине 1930-х гг.; дать оценку политическим взглядам профессора и его поведению в условиях массовых репрессий при сталинском режиме; осветить профессиональную деятельность Соломона Захаровича в годы Великой Отечественной войны.

В личном деле, подготовленном культурно-пропагандистским отделом Свердловского обкома ВКП(б) в ноябре 1935 г., после того как С. З. Каценбоген был назначен на должность директора СГПИ, указано, что он родился в 1889 г. в Минске в семье мещанина-служащего и имеет высшее образование: «Окончил Киевский коммерческий институт экономических наук (1910–1914) со званием кандидата экономических наук и Петроградский психоневрологический

институт, юридический факультет»¹. В автобиографии, написанной в 1940 г., С. З. Каценбоген сообщает о своей деятельности до начала работы в области народного просвещения: служил статистиком и страховым агентом в Баку, секретарем на заводе, заведующим городской биржей труда и заместителем заведующего городским отделом социального обеспечения в Бобруйске. Лишь летом 1919 г. начинается чиновничья карьера будущего профессора: он занимает посты сперва заместителя народного комиссара социального обеспечения Литовско-Белорусской ССР, а с июля 1921 г. – заместителя народного комиссара просвещения БССР. В декабре 1921 г. С. З. Каценбоген переходит на преподавательскую и административную работу в БГУ². Поскольку деятельность Соломона Захаровича в БГУ, СГУ и ЛГПИ, как уже отмечалось, подробно рассмотрена в публикациях А. Н. Максимчика и И. А. Лапиной, мы не будем на ней останавливаться.

Что касается политических взглядов С. З. Каценбогена, то в своей автобиографии он утверждает, что уже в 1904 г. (в 15 лет) подвергался преследованиям со стороны царских властей за участие в оппозиционном движении. При этом будущий профессор примкнул к Всеобщему еврейскому рабочему союзу в Литве, Польше и России (Бунду)³. Бунд считался социал-демократической организацией, придерживающейся скорее меньшевистских позиций, а значит, декларировал преимущества реформистского пути по сравнению с революционным насилием. Лишь из-за последствий начавшейся Гражданской войны и наметившихся успехов в ней советской власти Соломон Захарович в 1919–1920 гг. становится активным сторонником большевиков: находясь в рядах Красной армии с августа 1919 по июль 1920 г. на должности заместителя председателя Особой продовольственной комиссии Западного фронта в Смоленске, он являлся проводником большевистской политики насилия в отношении крестьянства, связанной с введением продразверстки в деревне в условиях «военного коммунизма». В составленном в октябре 1938 г. листке по учету кадров С. З. Каценбоген отметил, что, занимаясь заготовкой продовольствия в этот период на Смоленщине, принимал участие в боях с «белобандитами»⁴. Именно в это время в Смоленске, как пишет сам Соломон Захарович в автобиографии, он стал «председателем “Коммунистического бунда” для осуществления фактического слияния с РКП(б)»⁵.

Поэтому с 1920 г. начинается партийный стаж будущего профессора в рядах большевистской партии. Став большевиком, С. З. Каценбоген принял участие во внутрипартийных дискуссиях, имевших место в начале 1920-х гг. В 1923 г. в ходе развернувшейся полемики о внутрипартийной демократии С. З. Каценбоген, видимо, протестуя против диктата партийного аппарата, в одной из речей, произнесенных в Минске, поддержал оппозицию. В июле 1938 г., оценивая свое поведение в 1923 г., профессор говорил, что он «выступал с троцкистскими речами, но голосовал за ЦК»⁶. Хотелось бы отметить, что в начале 1920-х гг. такое выступление было вполне допустимо и не расценивалось как антипартийное. Во время партийной чистки 1924 г. С. З. Каценбоген, не скрывая факта своего выпада, признал его ошибочным, и, казалось бы, инцидент можно было считать исчерпанным⁷. Видимо, поэтому, принимая участие в партчистках 1929 и 1933 гг., Соломон Захарович не считал нужным упоминать о своем поведении в 1923 г., хотя, возможно, он просто не хотел вновь касаться этой проблемы.

Однако в середине 1930-х гг. ситуация круто изменилась. Отчасти это обусловлено началом гонений на историческую школу Покровского и педологическую науку. Кроме того, в 1934 г. у С. З. Каценбогена, видимо, были личные связи с теми, кто разделял антисталинские настроения, в определенной мере имевшие место во время XVII съезда ВКП(б). Это проявилось, как отмечали компетентные партийные органы, «в антипартийном реагировании (С. З. Каценбогена. – М. П., М. С.) на доклад т. Сталина на XVII партсъезде»⁸. Данный факт стал основной причиной того, что 23 марта 1935 г. парторганизацией ЛГПИ Соломон Захарович был исключен из партии «за сокрытие на партчистках 1929 и 1933 гг. своей троцкистской деятельности»⁹. Впрочем, Смольнинский райком ВКП(б) в Ленинграде восстановил партийное членство С. З. Каценбогена, объявив строгий выговор с предупреждением, а в июле 1935 г. партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) утвердила это решение, сменив «строгий выговор за сокрытие на партчистках троцкистской деятельности» на выговор за сокрытие информации «о бывших у него (С. З. Каценбогена. – М. П., М. С.) в 1923 г. колебаниях по организационному вопросу»¹⁰. Тем не менее уже в марте 1935 г. С. З. Каценбогена освободили от должностей заведующего кафедрой философии

¹ Центр документации обществ. орг. Свердлов. обл. (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 1861. Л. 1.

² Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 42. Д. 945. Л. 4.

⁵ Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

⁶ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

и директора ЛГПИ и направили в резерв Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Лишь в октябре 1935 г. Соломон Захарович переезжает на Урал, где назначается директором пединститута в Свердловске, оставаясь на этой должности до августа 1936 г.¹¹

Данный уральский вуз, как следует из годового отчета его нового директора, в 1935/36 учебном году включал в себя три сектора: 1) дневной четырехгодичный институт (350 студентов); 2) учительский двухгодичный институт (282 учащихся); 3) вечерний институт (149 студентов), а также заочное отделение (304 заочника) и рабочий факультет – рабфак (305 обучающихся)¹². Профессорско-преподавательский состав насчитывал 39 штатных работников и 27 совместителей. Однако в СГПИ преподавали лишь 2 утвержденных профессора – С. В. Юшков (историк) и С. З. Каценбоген¹³. Новый директор вуза главное внимание уделял учебно-воспитательной работе. Проблемам ее улучшения были посвящены организованные дирекцией в 1935/36 учебном году различного рода производственные совещания: всего проведено 5 общеинститутских собраний, на каждом курсе состоялось от 2 до 5 подсобных заседаний, на которых обсуждались воп-

росы об ударничестве и соцсоревновании, ликвидации академической задолженности, «борьбе» за отличников, трудовой дисциплине, выполнении учебных планов¹⁴. В годовом отчете Соломон Захарович справедливо указывал на значительные недостатки в организации научной деятельности преподавателей, главным из которых являлось то, что «пединститут не наладил выпуск своих ученых записок или научных сборников»¹⁵. В статье, напечатанной в областной газете «Уральский рабочий» в начале июня 1936 г., деятельность СГПИ получила положительную оценку: «Свердловский педагогический и учительский институты в 1936 г. выпустили 252 учителя. Учительский институт выпустил 20 преподавателей истории, 46 преподавателей физики и математики и 35 преподавателей литературы»¹⁶.

Административная работа в тот период относительно высоко оплачивалась: в 1935/36 учебном году директор института дополнительно к оплате за преподавание получал 675 руб., декан факультета – 200 руб., заведующий кафедрой – 100 руб. В то же время зарплата библиотекаря в учебном заведении составляла от 80 до 200 руб., а электромонтера – 159 руб.¹⁷ Средний размер студенческой стипендии был от 98 до 180 руб.¹⁸

Первый выпуск исторического факультета учительского института СГПИ, 1936 г.
(Музей истории Уральского государственного педагогического университета.
Публикуется впервые)

The first graduation of the historical faculty of the teacher institute, Sverdlovsk State Pedagogical Institute, 1936
(Museum of History of the Ural State Pedagogical University.
Published for the first time)

¹¹ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

¹²Гос. арх. Свердлов. обл. (ГАСО). Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

¹³Там же.

¹⁴Там же. Л. 9.

¹⁵Там же. Л. 12.

¹⁶Урал. рабочий. 1936. 1 июня.

¹⁷ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

¹⁸Там же. Д. 14. Л. 1.

Наряду с выполнением обязанностей директора С. З. Каценбоген проводил большую преподавательскую работу, являясь заведующим кафедрой философии. С апреля 1936 г. он стал членом партийного комитета СГПИ¹⁹. Соломон Захарович активно участвовал в проведении в областном Доме учителя лектория для школьных работников Свердловска, где читал лекции вместе с профессорами Н. С. Дмитриевым, И. Б. Астаховым, Н. П. Руткевичем²⁰. Строго следуя партийным установкам, после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. директор СГПИ опубликовал в центральной областной газете статью «Антимарксистская сущность педологической лженауки»²¹. Однако особой активности «в борьбе с педологическими извращениями», в том числе в своем вузе, С. З. Каценбоген не проявлял. Характерно, что на собрании учителей в свердловском клубе «Профинтерн» 8 июля 1936 г., обсуждавшем вышеуказанное постановление ЦК партии, он, будучи общепризнанным специалистом, с докладом не выступал. С речью к учителям обратился заведующий отделом науки и учебных заведений Свердловского обкома ВКП(б) М. В. Кузнецов²².

Летом 1936 г. партийные органы инициировали проведение аттестации учителей общеобразовательных школ. Так, 1 июня 1936 г. под руководством второго секретаря Свердловского обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницина в областном центре состоялось общее собрание учителей города, на котором был заслушан доклад С. З. Каценбогена, назначенного председателем областной аттестационной комиссии. В своей речи Соломон Захарович заявил о том, что аттестацию должны пройти 828 учителей²³. Аттестационные комиссии присвоили звание учителей начальной школы 160 педагогам, а звание учителей средней школы – 110 школьным работникам. Остальные были лишь временно допущены к педагогической деятельности с обязательством к концу 1938/39 учебного года повысить свою квалификацию²⁴. При этом требования, предъявляемые к учителям прежде всего со стороны входивших в аттестационные комиссии чиновников, были значительно завышены, а порой и надуманы, так как аттестуемые обвинялись «в недостаточной политической активности» и «слабой политической грамотности» [8].

К началу 1936/37 учебного года общеобразовательный и профессиональный уровень подготовки учителей кадров в Свердловской области оставался крайне низким: среди преподавателей средней школы лишь 18,5 % имели высшее и незаконченное высшее образование, 60,8 % учителей – среднее образование. О недостатках в подготовке учителей кадров с тревогой писал в газете «Уральский рабочий» заведующий Свердловским областным отделом народного образования И. А. Перель. Решать проблемы чиновник предлагал чрезвычайными методами – путем проведения педагогическими учебными заведениями краткосрочных курсов. В частности, СГПИ предлагалось организовать месячные курсы, где следовало обучить 1767 преподавателей неполных средних и средних школ²⁵.

В этот период предполагаемые серьезные недоработки в деятельности различных учреждений, в том числе педагогических учебных заведений, большевистское руководство пыталось преодолеть исходя из «классового подхода» к выявлению их причин, путем разоблачения тех, кто якобы противодействовал политике советской власти. В данной ситуации вновь был поднят вопрос о «троцкистском» прошлом директора СГПИ.

Вряд ли инициаторами этого выступили партийные чиновники, что показали и дальнейшие события. Скорее всего, вопрос о политическом доверии С. З. Каценбогену в партийной организации института был поднят студентами-партийцами, которые составляли здесь большинство. Так, в 1935/36 учебном году из 41 члена и кандидата в члены ВКП(б) в СГПИ 25 человек были студентами, 13 – преподавателями, 3 – работниками хозяйств²⁶. По решению парторганизации СГПИ 26 августа 1936 г. директор института был исключен из ВКП(б) «за троцкистскую деятельность в 1923 г.»²⁷.

Впрочем, исключение С. З. Каценбогена не было утверждено партийными органами. Сам Соломон Захарович, выступая на партийном собрании вуза в июле 1938 г., вспоминал, что секретарь Свердловского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецов отменил решение об исключении из партии, заменив его строгим выговором²⁸. С августа 1936 г. С. З. Каценбоген был снят с поста директора СГПИ, но продолжал оставаться заведующим кафедрой философии, профессором вуза²⁹. Решение о восстановлении в партии принято Свердловским горкомом ВКП(б)

¹⁹ЦДОСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.

²⁰Урал. рабочий. 1936. 1 июня.

²¹Там же. 1936. 8 июля.

²²Там же. 1936. 9 июля.

²³Там же. 1936. 2 июня.

²⁴Там же. 1936. 8 авг.

²⁵Там же. 1936. 10 авг.

²⁶ЦДОСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.

²⁷Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

²⁸Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 8. Л. 97.

²⁹Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

10 ноября 1936 г.³⁰ Однако еще в сентябре того же года СГПИ посетил инструктор горкома партии, который в беседе с секретарем парторганизации вуза А. Серковой выяснил, что С. З. Каценбоген имеет десятилетний стаж работы по руководству пединститутом, а главное, как это указано в объяснительной записке чиновнику, «ЦК партии, тов. Ежов и другие знают его как хорошего работника»³¹. Можно предположить, что наличие у Соломона Захаровича личных связей в высшем партийном руководстве явилось причиной смягчения наказания, а также того, что во время пика политических репрессий в 1937–1938 гг. С. З. Каценбоген, несмотря на серьезные партийные взыскания, не подвергался арестам и продолжал свою преподавательскую, научную и административную деятельность в вузе.

Толчком к ужесточению политических репрессий, как известно, стали решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. В 20-х числах мая 1937 г. был снят со всех своих постов, а затем арестован и расстрелян первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков. Та же участь ожидала и его многочисленных выдвиженцев среди обкомовских и облысполкомовских руководителей, городских и районных партийных секретарей [10, с. 270–271]. Уже 24 мая органами НКВД был арестован по обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности заведующий Свердловским областным отделом народного образования И. А. Перель [11, с. 151]. В июне подверглись репрессиям многие руководящие работники в системе просвещения в Свердловской области. Газета «Уральский рабочий» сообщала, что «руководители девяти из 16 аттестационных (учительских. – М. П., М. С.) комиссий разоблачены и многие из них исключены из партии как враги народа»³². Поскольку поиск «врагов народа» становится одной из главных задач партийных чиновников, пришедших на смену «команде Кабакова», не избежал обвинений и С. З. Каценбоген. В 1937 г. первичная партийная организация СГПИ дважды принимала решение об исключении его из ВКП(б).

В первый раз инициатором кампании, направленной против профессора, выступил новый заведующий отделом пропаганды и агитации Свердловского горкома ВКП(б) В. К. Ансвесул. В прошлом коллега Соломона Захаровича (до июня 1937 г. занимал должность декана исторического факультета СГПИ), В. К. Ансвесул, исходя из установок партийных ор-

ганов о необходимости «разоблачения вражеских вылазок», в условиях всеобщей подозрительности был искренне уверен, что «троцкистские ошибки» С. З. Каценбогена не являлись случайностью. По инициативе В. К. Ансвесула в парторганизации СГПИ 25 июня 1937 г. Соломон Захарович подвергся критике за расцененное как антипартийное выступление на институтском профсоюзном собрании, где С. З. Каценбоген заявил: «Хлебушка мало, и дорог он, маслица нет, и дорого оно». Это якобы противоречило утверждению Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее»³³. Понимая, что нелепые обвинения были вызваны его прошлыми «провинностями», Соломон Захарович сделал заявление: «Быть настроенным ко мне из-за того, что у меня в прошлом были ошибки, нельзя. Зачем подчеркивать порочащие меня факты? Чем бы дело ни кончилось... жизнь моя принадлежит стране и ее социалистическому строительству»³⁴. Тем не менее по настоянию В. К. Ансвесула партсобрание вуза приняло решение об исключении бывшего директора из партии³⁵. Второе аналогичное решение в 1937 г. было принято по заявлению заведующего заочным отделением СГПИ Шабашовой, которое, как вскоре выяснилось, оказалось явно клеветническим³⁶. Однако июньское решение первичной партийной организации было утверждено по настоянию первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) А. Я. Столяра (как это вспоминал сам С. З. Каценбоген) на бюро горкома партии³⁷ лишь в ноябре 1937 г. с формулировкой «за троцкистскую деятельность»³⁸.

Вызывает удивление, что после этого не последовало никаких репрессий в отношении того, кто лишился партбилета: Соломон Захарович не только не был арестован или хотя бы уволен с должности, как подавляющее большинство исключенных. Для С. З. Каценбогена в декабре 1937 г. Наркомпрос РСФСР выделил в СГПИ ставку заведующего сектором научно-исследовательской работы, также Соломон Захарович продолжил свою деятельность в качестве профессора³⁹. Даже более того, когда в начале 1938 г. А. Я. Столяр и В. К. Ансвесул сами были репрессированы, 3 июля этого же года партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), хотя и подтвердила исключение С. З. Каценбогена, приняла решение «считать возможным рассмотреть вопрос о восстановлении Каценбогена через год по отзыву парторганизации», а в августе 1938 г. решением той же партколлегии в качестве

³⁰ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

³¹Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

³²Урал. рабочий. 1937. 4 июля.

³³ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

³⁴Там же. Л. 93.

³⁵Там же.

³⁶Там же. Д. 6. Л. 74.

³⁷Там же.

³⁸Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

³⁹Там же. Л. 9.

наказания Соломон Захарович был лишь переведен на 1 год из членов в кандидаты в члены ВКП(б)⁴⁰.

Сектор научно-исследовательской работы в СГПИ, которым руководил С. З. Каценбоген, составил институтский план научной работы, календарный план научных командировок и план повышения квалификации молодых научных работников путем прикрепления к соответствующим кафедрам столичных вузов. К концу лета 1938 г. был подготовлен к печати первый выпуск издания «Ученые записки Свердловского государственного педагогического университета»⁴¹. С сентября 1938 по январь 1940 г. С. З. Каценбоген являлся уже исполняющим обязанности заместителя директора по научно-учебной работе СГПИ и профессором кафедр философии и основ марксизма-ленинизма⁴².

Хотелось бы остановиться на деятельности С. З. Каценбогена как администратора на этих должностях. Соломон Захарович приложил много усилий для совершенствования учебного процесса в вузе: под его руководством было организовано обсуждение новых учебных программ по различным предметам на кафедрах и в студенческих коллективах, а после этого предложения о внесении изменений были отправлены в Комитет по делам высшей школы при СНК СССР⁴³; в начале 1938/39 учебного года произошло объединение лекционных курсов на межфакультетской основе по политэкономии, философии, психологии, педагогике, истории педагогики и марксизму-ленинизму⁴⁴. В целях усиления контроля за качеством преподавания учебная часть предложила деканам факультетов и заведующим кафедрами завести особые тетради для фиксации посещенных занятий преподавателей, а также сделанных в ходе этих проверок выводов и предложений. Как дополнительную меру контроля учебная часть впервые ввела в практику СГПИ стенографирование лекций ряда преподавателей. Почти все стенограммы были проверены учебной частью и обсуждены на заседаниях кафедр⁴⁵.

Можно по-разному оценивать усиление контрольных функций вузовской администрации в конце 1930-х гг., однако, руководствуясь установками Наркомпроса, заместитель директора СГПИ активно участвовал в их реализации. В 1938/39 учебном году С. З. Каценбоген лично посетил 60 лекций и практических занятий разных преподавателей,

преимущественно первый год работавших в институте. После проверок он давал указания об исправлении недостатков в преподавании⁴⁶. Большая работа проделана дирекцией по улучшению профессорско-преподавательского состава СГПИ. В институт были приглашены кандидат физико-математических наук, доцент А. А. Соколов, кандидат географических наук, доцент А. А. Мошкин, кандидат педагогических наук, доцент А. С. Пинт, профессор географии А. Н. Григорьев и ряд других специалистов. В это время начинает свою деятельность в вузе получивший впоследствии большую известность историк-византиновед М. Я. Сюзюмов. В 1938/39 учебном году из числа преподавателей СГПИ докторскую диссертацию защитил К. Н. Шапошников (физика), кандидатские – В. С. Мерлин (педагогика), Я. С. Юферев (история), Д. И. Чесноков и В. В. Неболюбов (философия)⁴⁷.

Уже в марте 1939 г. партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) отменила свое решение, принятое в августе 1938 г., о переводе С. З. Каценбогена на 1 год из членов в кандидаты в члены партии⁴⁸. Поэтому 1 апреля 1939 г. общее собрание партийной организации СГПИ, отметив, что опальный профессор за последние 8 месяцев (пребывание в статусе кандидата в члены ВКП(б)) «показал себя с хорошей стороны в чтении курса марксизма-ленинизма, а также на посту заместителя директора Свердловского пединститута по научно-учебной части, сумел добиться улучшения всего учебного и научного дела в институте», ходатайствовало перед вышестоящими партийными органами о возобновлении членства С. З. Каценбогена в партии с «восстановлением партстажа с 1920 г.»⁴⁹. Постановление партсобрания было поддержано региональным партийным руководством. Однако 25 марта 1940 г. партколлегия отказала в просьбе С. З. Каценбогена о восстановлении его партийного стажа с 1920 г.⁵⁰ Тем не менее в мае 1940 г. первичная парторганизация СГПИ⁵¹ и бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска приняли С. З. Каценбогена в члены партии с сохранением партстажа с 1920 г.⁵²

С начала 1940 г. Соломон Захарович оставляет свою административную деятельность, продолжая работать в СГПИ в должности профессора кафедры основ марксизма-ленинизма. В 1940/41 учебном году он читал лекции и проводил семинарские занятия

⁴⁰ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

⁴¹ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

⁴²ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 9.

⁴³ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

⁴⁴Там же. Л. 5.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Там же. Л. 2.

⁴⁸ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

⁴⁹Там же. Ф. 10. Оп. 4. Д. 2852. Л. 2.

⁵⁰Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

⁵¹Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.

⁵²Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

по основам марксизма-ленинизма на литературном факультете и факультете иностранных языков⁵³. Объем нагрузки в учебном поручении С. З. Каценбогена был самым значительным на кафедре – 928 ч⁵⁴. В то же время и денежное вознаграждение являлось самым большим – 1500 руб., что в 1,5 раза выше, чем у заведующего кафедрой доцента Д. И. Чеснокова⁵⁵. Однако по итогам соцсоревнования за первый семестр 1940/41 учебного года оба были утверждены в качестве ударников и отличников⁵⁶.

Во время Великой Отечественной войны вплоть до 1944 г. основным местом работы С. З. Каценбогена оставался СГПИ, где он трудился в должности профессора кафедры основ марксизма-ленинизма. Однако уже в данный период он совмещал эту деятельность с работой в УрГУ в качестве заведующего кафедрой философии и ее преподавателя. В ноябре 1943 г. в СГПИ впервые открывается аспирантура, в том числе при кафедре основ марксизма-ленинизма, по специальности «философия». В аспирантуру приказом Наркомпроса РСФСР зачислялись проявившие себя в науке преподаватели и сотрудники вуза. Каждый из аспирантов шел на обучение к известному преподавателю института. Аспиранткой Соломона Захаровича стала выпускница истфака СГПИ, старший преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма С. М. Венгер [9, с. 14]. Несмотря на то что с начала 1944 г. УрГУ становится основным местом работы С. З. Каценбогена, вплоть до 16 октября 1944 г. он продолжает преподавательскую деятельность в СГПИ⁵⁷. Так, весной 1944 г. Соломону Захаровичу приказом директора СГПИ поручалось чтение обзорных лекций по основам марксизма-ленинизма на историческом и литературном факультетах вуза⁵⁸. На этих же факультетах вместе с профессорами Н. П. Руткевичем и А. П. Георгиевским он входил в состав комиссии по приему государственных экзаменов⁵⁹.

В 1940-х гг. С. З. Каценбоген продолжал писать апелляции в партийные органы, пытаясь решить вопрос о снятии с него взысканий, полученных в предшествующий период. Однако, несмотря на поддержку коллег из первичной партийной организации СГПИ, 9 апреля 1941 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) вынесло решение «от снятия партвзыскания с Каценбогена воздержаться»⁶⁰. Более того, в августе 1943 г. член партколлегии Комиссии партийного кон-

троля при ЦК ВКП(б) Тукмачев обнаружил, что в мае 1940 г. профессор был принят в члены партии с восстановлением партийного стажа с 1920 г. Поскольку это нарушало решение партколлегии от 25 марта 1940 г. (см. выше) и старый партстаж Соломону Захаровичу был установлен местными парторганами самовольно, Тукмачев предложил: «Каценбогена за обман парторганизации и Ленинского РК ВКП(б) и скрывание от партийной организации постановления партколлегии, отменявшего его просьбу о восстановлении партстажа, из членов ВКП(б) исключить»⁶¹.

И хотя партийные чиновники не дали ход предложению Тукмачева, в начале 1945 г. Соломон Захарович вновь был незаслуженно обвинен в «троцкизме». В марте 1945 г. в Свердловский обком ВКП(б) поступило заявление заведующего кафедрой марксизма-ленинизма УрГУ Ф. П. Быстрых о том, что 23 декабря 1944 г. С. З. Каценбоген, делая доклад на собрании студентов и научных сотрудников УрГУ на тему «Сила ленинско-сталинского предвидения», допустил грубую ошибку по вопросу о вооруженном восстании в октябре 1917 г.: произвольно приписал В. И. Ленину слова о том, что 24 октября выступать рано, 26-го поздно, надо выступать 25-го. Ф. П. Быстрых характеризовал это утверждение как «извращение фактов троцкистского характера»⁶².

Конечно, обвинения в «троцкизме» были надуманными, сам Соломон Захарович позднее признавал свою ошибку и объяснял ее тем, что при подготовке выступления он «использовал материал не из первоисточников»⁶³. Тем не менее бюро Октябрьского райкома ВКП(б) 27 июня 1945 г. приняло решение указать С. З. Каценбогену на ошибку в докладе и предупредить его о том, что, если и впредь «будут допущены неточности в работе, он будет отстранен от работы»⁶⁴. Секретарь партбюро УрГУ В. В. Чукин 12 марта 1946 г., дав в целом положительную характеристику деятельности заведующего кафедрой философии в вузе, в то же время указал, что С. З. Каценбогену «необходимо более тщательно продумывать свои выступления, употребляя простые и ясные выражения, избегая излишних, ненужных слов»⁶⁵.

Постоянные обвинения и необходимость оправдываться не могли не сказаться на здоровье профессора. Однако весной 1946 г. он вновь подает апелляцию о снятии с него строгого выговора с пре-

⁵³Арх. Урал. гос. пед. ун-та. Ф. 1л. Оп. 1. Д. 84. Л. 186.

⁵⁴Там же. Л. 205.

⁵⁵Там же.

⁵⁶Там же. Л. 1.

⁵⁷Там же. Д. 154. Л. 33.

⁵⁸Там же. Л. 122.

⁵⁹Там же. Л. 117.

⁶⁰ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 46. Л. 10.

⁶¹Там же. Оп. 25. Д. 1500. Л. 50.

⁶²Там же. Л. 24.

⁶³Там же. Л. 4.

⁶⁴Там же. Л. 37.

⁶⁵Там же. Л. 44.

дупреждением, вынесенного в мае 1935 г. Заявление С. З. Каценбогена было рассмотрено на партсобрании УрГУ 2 июня 1946 г. Соломон Захарович боялся, что недавние надуманные обвинения в «троцкизме» повлияют на отношение к нему со стороны членов парторганизации УрГУ. Но опасения оказались напрасными: собрание приняло решение ходатайствовать перед партийными органами о реабилитации С. З. Каценбогена. Сам Соломон Захарович заявил: «Сегодня я радуюсь, что наконец-то заслужил того, чтобы это партвзыскание было с меня снято»⁶⁶. Однако узнать, какое решение приняли партийные чиновники по поводу постановления первичной партийной организации, С. З. Каценбогену было не суждено: 1 сентября 1946 г. он скончался.

Таким образом, во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. необоснованные надуманные обвинения в антипартийной деятельности, сопровождавшиеся очередным исключением из партии, но не получавшие утверждения в партийных органах, заставляли С. З. Каценбогена постоянно оправдываться, часто порождая недоверие к окружавшим его людям. В 1937 г. он написал письмо в Свердловский обком ВКП(б), обвиняющее в антипартийном поведении ряд коммунистов, в том числе директора СГПИ А. В. Козырева⁶⁷. Однако его письма вряд ли носили карьеристский или клеветнический характер.

После исключения из партии в ноябре 1937 г. Соломон Захарович не был уволен из института и не подвергся аресту, как это произошло в 1937–1938 гг. с теми, кто выступил инициатором его преследований (М. В. Кузнецов, В. К. Ансвесул). Поэтому С. З. Каценбоген считал обвинения в свой адрес происками «врагов народа». В действительности местные чиновники просто стремились выполнить требование высшего партийно-советского руководства выявлять «классовых врагов» и «троцкистов». Опальный профессор с его надуманным «троцкистским» прошлым был весьма удобной мишенью для критики, а с другой стороны, необходимость постоянно оправдываться породила у С. З. Каценбогена некоторые личные качества, мешавшие ему в работе в коллективе СГПИ. В своем выступлении на партийном собрании 16 мая 1940 г. заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма СГПИ

Д. И. Чесноков⁶⁸, отметив добросовестный труд Соломона Захаровича и его общественную активность, указал, что профессору необходимо изжить свою чрезвычайную мнительность, так как это «может привести к отрыву от членов нашей партийной организации»⁶⁹.

Тем не менее заслуги С. З. Каценбогена как вузовского руководителя и педагога в 1935–1946 гг. не вызывают сомнения. Поэтому он и пользовался поддержкой коллективов СГПИ и УрГУ. Именно во многом благодаря усилиям С. З. Каценбогена в конце 1930-х гг. в СГПИ введено планирование научной деятельности преподавателей и сотрудников, создана система контроля со стороны заведующих кафедрами и администрации за проводимыми преподавателями занятиями. Этот опыт был использован в последующие годы. В период войны Соломон Захарович являлся первым заведующим созданной им в УрГУ кафедры философии, а в 1943 г. в СГПИ – одним из научных руководителей во впервые открывшейся в вузе аспирантуре.

В то же время в последнее десятилетие жизни значительно меньшей была научная активность С. З. Каценбогена. По сути, опальный профессор не мог заниматься, как в 1920-х гг., исследованиями в области социологии и педологии, объявленными «лженаукой», к тому же были сужены возможности публикаций, поскольку в них могли оказаться неточности, выходящие за рамки установок партийного руководства и формулировок учебника «Краткий курс истории ВКП(б)». В приведенном А. Н. Максимчиком списке научных работ С. З. Каценбогена лишь 2 статьи написаны после 1935 г., при этом обе они опубликованы в издании «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института» в 1939 г. [1, с. 83]. Сам профессор в регистрационном бланке члена ВКП(б) 23 июля 1945 г. отмечает, что всего он имеет 62 научных труда⁷⁰.

С. З. Каценбоген умер, так и не дождавшись снятия партийными чиновниками взыскания, вынесенного ему в 1935 г. Однако коммунисты СГПИ и УрГУ, рассматривая апелляции Соломона Захаровича, неизменно оказывали поддержку профессору, отмечая его добросовестность, общественную активность, заслуги в административной, научной и преподавательской работе в высших учебных заведениях.

Библиографические ссылки

1. Максимчик АН. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:65–86.
2. Покатов ДВ, Аникин ЛС. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;1:95–98.

⁶⁶ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 44.

⁶⁷Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁶⁸В начале 1950-х гг. – главный редактор журнала «Вопросы философии» и член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС.

⁶⁹ЦДОСО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.

⁷⁰Там же. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 23.

3. Покатов ДВ, Аникин ЛС. Реплика. С. З. Каценбоген: «Жить вопреки обстоятельствам». В: *Материалы Международной научно-практической конференции «Социальный конфликт: социетальное, региональное и историческое измерение» в рамках Международного научного симпозиума «Столетие гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: диалог времен – прошедшего, настоящего и будущего», посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ; 25 октября 2017 г.; Саратов, Россия.* Саратов: Саратовский источник; 2017. с. 89–92.
4. Аникин ЛС. Возвращение забытых имен: С. З. Каценбоген. В: Шахматова НВ, редактор. *Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций.* Саратов: Издательство Саратовского университета; 2010. с. 5–12.
5. Лапина ИА. Соломон Захарович Каценбоген: в авангарде культурной революции. В: Мельцин МО, Парижский СГ, редакторы. *Материалы Международной научной конференции «Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература»; 22 апреля 2018 г.; Санкт-Петербург, Россия.* Санкт-Петербург: Петербургский институт иудаики; 2018. с. 160–176. (Труды по иудаике; серия «История и этнография»).
6. Набойченко СС. Каценбоген Соломон Захарович. В: Набойченко СС. *История высшей школы Свердловской области.* Екатеринбург: Издательство «АМБ»; 2013. с. 129.
7. Каценбоген Соломон Захарович. В: Мазур ВА, составитель. *Уральский государственный университет в биографиях.* Подчиновнов АВ, редактор. 3-е издание. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2010. с. 398.
8. Попов МВ, Суворов МВ. Подготовка учительских кадров в Свердловске в 1930-х – начале 1940-х гг. *Педагогическое образование в России.* 2014;7:155–161.
9. Игошев БМ, Булах ВН. *Страницы истории аспирантуры СГПИ – УрГПУ (1943–2013).* Екатеринбург: [б. и.]; 2013. 124 с.
10. Сушков АВ. «Кадры решают всё!»: кадровая политика И. В. Сталина и руководители Свердловской области во второй половине 1930-х гг. В: *Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всероссийские историко-педагогические чтения. Часть 2.* Екатеринбург: [б. и.]; 2013. с. 265–278.
11. Суворов МВ. Судьба Иделя Абрамовича Переля – заведующего Уральским (Свердловским) отделом народного образования в 1927–1937 гг. В: *Социальная сфера на Урале во второй половине XIX – первой половине XX вв. в лицах.* Екатеринбург: [б. и.]; 2019. с. 151–162.

References

1. Maksimchik AN. Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017;2:65–86. Russian.
2. Pokatov DV, Anikin LS. Memory and honor: Solomon Zakharovich Katsenbogen. To the 130th anniversary. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;1:95–98. Russian.
3. Pokatov DV, Anikin LS. Replica. S. Z. Katsenbogen: «Living contrary to circumstances». In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'nyi konflikt: sotsietal'noe, regional'noe i istoricheskoe izmerenie» v ramkakh Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Stoletie gumanitarnogo obrazovaniya v Saratovskom gosudarstvennom universitete: dialog vremen – proshedshego, nastoyashchego i budushchego», posvyashchennogo 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v SGU; 25 oktyabrya 2017 g.; Saratov, Rossiya* [Proceedings of the International scientific and practical conference «Social conflict: societal, regional and historical dimension» at the International scientific symposium «A century of humanitarian education at Saratov State University: a dialogue of times – past, present and future» dedicated to the 100th anniversary of humanitarian education in SSU; 2017 October 25; Saratov, Russia]. Saratov: Saratovskii istochnik; 2017. p. 89–92. Russian.
4. Anikin LS. [The return of forgotten names: S. Z. Katsenbogen]. In: Shakhmatova NV, editor. *Sotsiologiya zhizni: preemstvennost' i razvitie issledovatel'skikh traditsii* [Sociology of life: continuity and development of research traditions]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta; 2010. p. 5–12. Russian.
5. Lapina IA. Solomon Zaharovich Katzenbogen: at the forefront of cultural revolution. In: Mel'tsin MO, Parizhskii SG, editors. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: kul'tura i istoriya, yazyki i literatura»; 22 aprelya 2018 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Proceedings of the International scientific conference «Jews of Europe and the Middle East: culture and history, languages and literature»; 2018 April 22; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Petersburg Institute of Judaism; 2018. p. 160–176. (Works on Judaica; series «History and Ethnography»). Russian.
6. Naboichenko SS. [Katsenbogen Solomon Zakharovich]. In: Naboichenko SS. *Istoriya vysshei shkoly Sverdlovskoi oblasti* [History of the higher school of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «AMB»; 2013. p. 129. Russian.
7. [Katsenbogen Solomon Zakharovich]. In: Mazur VA, compiler. *Ural'skii gosudarstvennyi universitet v biografiyakh* [Ural State University in biographies]. Podchinenov AV, editor. 3rd edition. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2010. p. 398. Russian.
8. Popov MV, Suvorov MV. Training of teachers in Sverdlovsk in the late 1930s and early 1940s. *Pedagogical Education in Russia.* 2014;7:155–161. Russian.
9. Igoshev BM, Bulakh VN. *Stranitsy istorii aspirantury SGPI – UrGPU (1943–2013)* [Pages of the history of graduate school Saratov State Pedagogical Institute – Ural State Pedagogical University (1943–2013)]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2013. 124 p. Russian.
10. Sushkov AV. «Manpower policy determines everything!»: I. V. Stalin's manpower policy and leaders of Sverdlovskaya region in the second half of 1930s. In: *Aktualizatsiya istoricheskogo znaniya i istoricheskogo obrazovaniya v sovremenno obshchestve. Ezhegodnik. XVII Vserossiiskie istoriko-pedagogicheskie chteniya. Chast' 2* [Actualization of historical knowledge and historical education in modern society. Yearbook. 17th All-Russian historical and pedagogical readings. Part 2]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2013. p. 265–278. Russian.
11. Suvorov MV. [The fate of Idel Abramovich Perel – head of the Ural (Sverdlovsk) department of public education in 1927–1937]. In: *Sotsial'naya sfera na Urale vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX vv. v litsakh* [The social sphere in the Urals in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries in faces]. Ekaterinburg: [s. n.]; 2019. p. 151–162. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.03.2020.
Received by editorial board 30.03.2020.